

О.П. Аксенова (Кудымкар)

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРОХАЛЕВСКОГО ГОВОРА ЮЖНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Нижнеиньвенский диалект функционирует на территории пяти сельсоветов Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого автономного округа Пермской области — Аксеновского, Доеговского, Крохалевского, Купросского и Тиминского.

В 1991 г. на территории распространения нижнеиньвенского диалекта проживало 5516 чел., из них носителей диалекта было около пяти тысяч (Баталова, 1995, с.4).

Описание особенностей этого диалекта нашло отражение в ряде работ (А.С.Кривошекова-Гантман, 1951; В.И.Лыткин, 1955; Р.М.Баталова, 1975, 1995 и др.).

В данной статье обращается внимание на классификационную характеристику новых диалектизмов (диалектных слов) крохалевского говора нижнеиньвенского диалекта, лексический состав которого в выше указанных исследованиях отражен не в полной мере. Количество носителей говора составляет приблизительно 1200 чел., которые проживают в следующих семи деревнях Крохалевского сельсовета: Алямово, Афонино, с.Крохалево, Купрос-Волок, Подволошино, Стариково, Шарапово, Урманово.

Формированию нижнеиньвенского диалекта послужили исторические обстоятельства. Наличие общих черт говора с другими коми-пермяцкими диалектами (с оньковским, вымершим усольским), а также с коми-зырянскими свидетельствует об активных длительных контактах.

Следует отметить, что крестьяне исследуемой территории не принадлежали графу Строганову, не входили в строгановскую вотчину. Нижнеиньвенские пермяки называли крепостных батюрами (бать “отец, глава”, т.е. граф, юр “голова”: букв. графские головы), а самих себя — малочастными (мао “мао, малая часть”), т.е. “малопрчастными к графу Строганову” (Кривошекова-Гантман, 1985). В настоящее время батюрами называют жителей Кудымкарского, Юсьвинского р-нов, не включая носителей нижнеиньвенского, оньковского диалектов, и жителей русских населенных пунктов, а самих нижнеиньвенцев — малочастными или малопрчастными к графу Строганову.

Нижнеиньвенский диалект имеет сходные черты не только с указанными диалектами коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, но и с коми-язьвинским наречием в фонетике, морфологии и лексике.

Говор богат диалектными словами, которые на фоне общеупотребительных слов выступают как средство выразительности, стилистической яркости. Укажем, что этнографизмы не выявлены. Нами зафиксированы следующие собственно-лексические диалектные слова: аулитны “мычать продолжительное время” (о корове) (лит. дыр баксыны), жубритчыны “жевать” (о корове) (лит. сёйны), беспелюга “бестолочь” (удар. тж.), сильгун “ряже-ный во время Рождества” (лит. маскар) (кз. сильгыны “звенеть”), кассян “изъян” (удар. кассян во “високосный год”), тырбн-кокбн “о непарной обуви” (кос-кам. мос-кокбн), бачак “суседко” (удм. багануши “колотушки в бане”), патыса “нечто жидкообразное, грязное”.

В рассматриваемом говоре можно выделить ряд лексико-семантических диалектизмов. Как известно, их различие базируется на единой этимологической основе и полисемия основана на метафорической, метонимической основе, разном диапазоне употребления. Данные слова имеют экспрессивную окраску. Семантическими вариантами являются вочны “бить, избивать” (лит. вочны “штопать”), норзыны (лит. пувны, в кудымкарско-иньвенском диалекте употребляется только в значении, касающемся множества детей), пышнавы “отодрать, избить как следует” (лит. “оторочить, обшить”, в кудымкарско-иньвенском — только в значении “колоть ножом”), кадитчыны-семикасыны “медлить” (лит. “кадить”, помянуть покойных во время поминального праздника семика), тшыно́тны “выгнать, выкурить” (лит. “дымить”), ср. удар. тшыно́тны “прогнать злой дух”, кропкины “не только встретить, но и выпить большими глотками”, шупыт “о предмете, удобном в работе” (лит. шупыт “быстрый”, только в отношении человека, скотины), ляскыны “прищемить” (лит. “хлестать”).

Анализируемые слова отражают образность, красочность единиц народной речи. Выделяются также своеобразные изобразительные слова, которые представлены звукоподражаниями: витшка-вотшка “хлюпа-хляпа” (лит. вутшка-вотшка), паз-паз “пересохший” (об очень сухом сене) (лит. каж кос; удм. пыз-пыз тж.), гырчиг-гырчиг (лит. гырчик-гырчик; удм. грич-грич, гричасасыны) (разг. “волк сожрал”), сюри-пари “очень быстро”, гузимези “медлительный человек; неаккуратно одетый человек”, ср. кз. гызымей “о шатающихся детях”, гузмасыны, жилля-жолля “о сильном продолжительном стуке” (лит. жилия-жоля) (удар. тж.).

Изобразительные слова представлены и специфическими, ономатопоэтическими словами, являющимися очень ярким выразительным средством. К данным средствам следует отнести парные глаголы, экспрессивно окрашенные слова, например, мазгыны-керны, базгыны-керны “очень быстро что-либо сделать, соорудить” (лит. керны чожа), удар. мазгыны-сёйны

“все быстро что-либо съест”, мизгины “всё время, без передышки работать, корпеть над работой” (Сорвачева, 1990, с. 202), пардотны “прогнать” (лит. нейтр. вашотны).

Языковой материал подтверждает своеобразие и словообразовательных форм. Возможно вовлечение в словопроизводство различных аффиксов (например, -ка, -та), активно функционирующих заимствованных суффиксов из русского языка, а также способа словосложения, например, кырка “дятел” (лит. кыр), татта “по этому месту” (лит. таті), гестёна “сухой груздь” (лит. гостшак), етшыник (етшаник) “маловато”, ягарма “злая женщина” (кос.-кам. ягарманка).

С помощью словосложения образованы кульдарка “головастик”, куд.-иньв. дарка, кз. дарьюр, номыр-нямыр (лит. намыр) “костяника”, к-п. нюмыр-нямыр “что-либо скомкать”, удм. намер, южн. удм. нюмыри “пюре”, шомыль-нюмыль “недотепя”, сюлю-вилло “пиявка”, ср. удм. сулек, сулык “пиявка”; чавканья, чижганья, чижу-вижу “громко говорливая женщина” (лит. чавкан), коч. чижи баба.

Характерные языковые особенности, связанные с рядом фонетических явлений, наложили заметный отпечаток на лексику. Как известно, для данного диалекта характерен и-овый вариант отрицательных глаголов, и-овая огласовка корней, ряд фонетических чередований, специфический качественно-вокальный характер ударения и т.д.

Отразим фонетически отличные диалектные слова, не отмеченные в ранее указанных работах. Явление чередования звонких и глухих согласных выявляется в таких диалектных словах, как гульмыны “кишеть” (лит. кульмыны), ср. удм. кульыр-кульыр “о множестве цыплят”, бевья соответствует русскому аффиксу -оват: лöz бевья “синеватый” (лит. лöz вевья), гигьявны “хихикать” (лит. кикьявны). В последних двух примерах заметны явления геминации согласных так же, как в примере улоня “скромный” (лит. ульлунся). Явления чередования твердости-мягкости обнаруживаются в диалектных словах: сись “гнилой” (лит. сись), масись “свеча” (лит. масись), ср. кз. сись “свеча”, к-п. диал. сисьудервун “позавчера” (лит. сэсьудервун), удм. сюсьтыл “свеча”, сись “гнилой”, сисьтыны “сгнить”.

Вставочные звуки обусловили также образование диалектных слов сыдзи “так” (лит. сідз), кині “кто” (лит. кин) и, наоборот, наблюдается опущение звуков в диалектизмах нятша “мокрица” (лит. нятшак), рош “квас” (лит. ырош).

Имеется ряд фонетических явлений в словах, не характерных для литературного языка: например, бичиль (лит. бичир) “искра”, тёммар (лит. чокмар) “колун”, сучкисьны “отпираться” (лит. суськисьны), унмоссис “уснул” (лит. онмоссис), ср. удм. умме усыны “уснуть”, пирыктыны “шелушить” (ср. кз. перттыны, к-п. перйыны “добывать”), вашконитчыны

“хорошо усесться”, куд.-иньв. ватшкисьны, удм. вош-вош пукыны “хорошо усесться”.

Массовая стяженность многих форм собственно-личных местоимений подчеркивалась выше указанными исследованиями. Добавим к этим формам ня “они” (лит. ня), сйа “он” (лит. сйа).

В связи с качественно-вокальным ударением наблюдается обилие акцентологических диалектных слов: бёкор “тарелка” (лит. бекёр), сэтор “смородина” (лит. сэтёр).

Фразеологическая система, структура образных, эмоционально-окрашенных выражений, оборотов имеют также весьма своеобразный характер. “Вогул тэ” — так скажут о ленивом человеке, док керны “все, подчистую съест”, куд.-иньв. дорви ноботны тж., удм. дол-дол (долак) “все, полностью”, ожгар кодь съод “о чём-то очень грязном”, кóнтусьон усьны “падать хлопьями” (слово кóнтусь “конопля” не сохранилось), карандаш кодь “что-либо очень маленькое”, оша-баба “сильная женщина, умеющая выполнять мужскую, женскую работы”, пон шмак тэныт — обращение к человеку, привередливому к еде и вещам.

Приведем еще несколько примеров своеобразных фразеологических выражений: пять да шесть “очень много работы, некогда”, мыкытсит петны, букв. выйти из разума (мыкыт — мывкыд “ум, разум”).

Надо сказать, что много слов и словообразовательных средств, имеющих в других коми-пермяцких диалектах, не встречаются в данном говоре или имеют ограниченную сферу функционирования. Так, отсутствуют слова игнавны “запереть” (только поднавны), отсавны (употр. рус. пособитны), висьны “болеть” вместо “шогавны”, наречия нач, шуч, зэв и т.д.

Здесь отсутствует способ образования превосходной степени прилагательных с помощью приставки мед-, эта категория прилагательных представлена только аналитическими формами и образуется с помощью слов самой, страсть.

Таким образом, обнаруживается необычайное богатство диалектного материала говора. Данные слова дают возможность выбора, варьирования и используются не только для решения стилистических задач в художественной ткани произведений, но и обогащения словарного запаса современного коми-пермяцкого языка.

Сокращения

Диал. — диалектное слово, кз. — коми-зырянский язык, кос.-кам. — косинско-камский диалект, коч. — кочёвский диалект, к.-п. — коми-пермяцкий язык, куд.-иньв. — кудымкарско-иньвенский диалект, лит. — литературное слово, нейтр. — нейтральное, разг. — разговорное, удм. — удмуртский язык, удор. — удорский диалект.

Литература

- Баталова Р.М., Гантман А.С.* Коми-пермяцко-русский словарь. - М., 1985.
- Баталова Р.М.* Коми-пермяцкая диалектология. - М., 1975.
- Баталова Р.М.* Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. - Гамбург, 1995.
- Баталова Р.М.* Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. - М., 1990.
- Жилина Т.И.* Верхнесыольский диалект коми языка. - М., 1975.
- Коми-русский словарь. - М., 1961.
- Кривощечкова-Гантман А.С.* Личный архив. - Пермь, 1983.
- Кривощечкова-Гантман А.С.* Словообразовательный состав нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. - Л., 1951.
- Лыткин В.И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. Ч. 1. - М., 1955.
- Прошева З.А., Безносикова А.А.* Русско-коми, коми-русский словарь. - Сыктывкар, 1994.
- Сорвачева В.А., Безносикова Л.М.* Удорский диалект коми языка. - М., 1990.